

И. М. Афонасенко
(Брянск)

«ВОПРОС О ГЕРАЛЬДИКЕ ТАТАРСКИХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ
И НЕ ТОЛЬКО...». ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО
ЧЛЕНА ПРИСУТСТВИЯ ГЕРБОВОГО ОТДЕЛЕНИЯ С. И. АФОНАСЕНКО

В отечественной историографии любые вопросы, связанные с созданием и утверждением гербов в Российской империи, всегда решаются путем анализа документов конкретного гербового производства, а также выявления источников заимствования геральдических сюжетов и изображений. В большинстве случаев такие догадки остаются чисто интуитивными и основанными лишь на скурых материалах отдельно взятого гербового дела или разной степени схожести изображений в гербовниках, эмблематической литературе, вещественных артефактах и т. д.

Особую ценность в этой связи приобретают материалы, которые исходят от непосредственных участников герботворческой деятельности и специалистов Гербового отделения Департамента герольдии Правительствующего сената. Анализ внутриведомственной документации Герольдии позволил достоверно узнать саму процедуру подготовки и обсуждения каждого герба: согласно «Инструкции о порядке делопроизводства в Гербовом отделении, учрежденном при Департаменте Герольдии Правительствующего Сената» проекты гербов рассматривались на заседаниях Присутствия Гербового отделения, которые проходили не реже двух раз в неделю. В «Инструкции» определено, что «в суждении по делам, касающимся Гербового отделения, участвуют все три члена с одинаковым правом голоса, но заключение их для приведения оногo в исполнение должно быть единогласное»¹. По каждому гербу, будь то городской, губернский или дворянский, управляющий Гербовым отделением давал распоряжение о подготовке проектов и далее вносил их на рассмотрение Присутствия отделения. В случае положительного решения членов Присутствия все материалы направлялись на подпись герольдмейстеру и затем следовали по инстанциям для высочайшего утверждения императором. Очевидно, что наиболее информативные и достоверные источники находятся именно в недрах внутренних архивов отделения.

Например, в фондах Российского государственного исторического архива нами была выявлена «Докладная записка состоящего за обер-прокурорским столом в Сенате С. И. Афонасенко»² от 31 августа 1860 г.; подана она была на имя Л. М. Муравьева, вступавшего в тот момент в должность герольдмейстера. Докладная записка посвящена вопросам разработки родовых гербов для татарских князей и размещения внецитовых элементов во вновь создаваемых дворянских гербах. Документ этот интересен, прежде всего, тем, что его автором является непосредственный участник гербового производства середины XIX века. Действительный статский советник Степан Иванович Афонасенко в 1854–1865 годах состоял за обер-прокурорским столом Департамента герольдии

Правительствующего сената³, с 1857 года был председательствующим членом Присутствия Гербового отделения⁴, кроме того, в 1856–1864 годах исполнял должность заведующего Сенатским архивом⁵.

В 1860 году А. М. Муравьев только начинал входить в курс дел вверенного ему Департамента герольдии и обратился к С. И. Афонасенко за разъяснениями особенностей составления гербов для татарских князей и других геральдических вопросов. Из ответа Афонасенко становится понятно, чем руководствовались специалисты Герольдии при создании татарских дворянских гербов.

Докладная записка Степана Ивановича выделяет один указ и два высочайших повеления. В частности, Афонасенко отмечает, что «в Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату 20 января 1797 г., предписано было наблюдать при составлении гербовника следующие правила: чтобы в первое отделение его поместить фамилии по старшинству родов начиная с князей и графов, потом баронов и дворян, но князей татарских в число княжеских родов не включать, а помещать их в число дворян»⁶. Указ Павла I был подписан более чем через десять лет после екатерининского указа «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства»⁷ и только увеличивал отчуждение татарской аристократии от общеимперских прав благородного сословия. Герольдия вносила в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи» в число князей «только лиц, носивших княжеское достоинство по происхождению от удельных князей дома Рюрика, от литовских князей дома Гедеминова, пожалованных Государями Российскими в княжеское достоинство и князей Римской Империи, утвержденных в сем звании Российскими Государями»⁸. Два других акта, высочайших повеления, касались внешитового оформления соответствующего достоинства: «...первое 11 ноября 1797 г., коим велено употреблять в дворянских гербах княжеские короны и мантии тех дворянских родов которые происходят от родов Российских князей и с самых древнейших времен в гербах своих имеют их хотя и не носят титула княжеского и второе, от 4 мая 1798 г., чтобы равномерно употреблять княжеские короны и мантии в гербах всех тех дворян кои непосредственно от родов Российских князей происходят хотя бы прежде в гербах своих мантий и княжеских корон не имели»⁹.

Нужно сказать, что практика «особого внешитового оформления», как и «тематических сюжетов», была не нова для российской геральдики. В 1740-е – 1760-е годы под руководством товарища герольдмейстера Василия Евдокимовича Адоурова в Герольдмейстерской конторе было создано более двухсот лейб-компанских гербов¹⁰, которые отличались уникальной стилистикой и единым оформлением (ил. 1). А в 1770-е – начале 1780-х годов товарищем герольдмейстера Иоганном Карлом фон Энденом¹¹ (Иван Иванович Энден) было применено новое для отечественной геральдики двухчастное деление городских гербов, где в обязательном порядке присутствовала часть с наместническим гербом.

Данный вопрос был тем более актуален, что годом ранее, 30 октября 1859 года, Б. В. Кёне представил на рассмотрение Присутствия Гербового отделения (в составе С. И. Афонасенко и В. В. Ленца) «Правила, для составления гербов в Гербовом Отделении Департамента Герольдии Правительствующего Сената»¹², в которых планировал пересмотреть систему внешитового оформления российских гербов: «...князья и графы имеют серебряные шлемы с золотыми украшениями и золотыми гривнами на таковых же цепях. Бароны и потомственные дворяне имеют стальные шлемы с золотыми украшениями и золотыми гривнами на таковых же цепях. К шлему принадлежит намет. Как шлем

Ил. 1. Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны гренадеру Преображенского полка И. Ф. Ермилову на дворянство. 1765. Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации. Ф. Трактаты. Оп. 6. Д. 4. Л. 3

не может быть без намета, так и намет не может быть без шлема. Намет должен быть по финифти и металлу щита или того поля к которому принадлежит и спускаться до трех четвертей щита»¹³. В подготовленном проекте «Правил» не существовало различий по национальности князей: «Мантии принадлежат только княжеским родам, но не воспрещается иметь мантии таким графским, баронским и дворянским родам, которые докажут, что мантии были им жалованы иностранными государями»¹⁴.

Кроме того, планировалось создание гербов для личных дворян и потомственных почетных граждан: «Личные дворяне имеют железные шлемы с золотыми украшениями и золотыми гривнами на Андреевской ленте. Потомственные почетные граждане имеют железные шлемы с серебряными украшениями и золотыми гривнами на Александровской ленте. Личные дворяне имеют корону о трех зубцах без жемчужин. Потомственным почетным

гражданам корона не представляется. Личные дворяне имеют на своих шлемах только короны или венки, без напьемника. Потомственные почетные граждане не имеют на своих шлемах ни короны, ни венка, ни напьемника»¹⁵. Однако все это осталось лишь в проекте, а в действительности Гербовое отделение руководствовалось только указами павловского времени, изданными для составления «Общего гербовника».

Иллюстрируя практику применения высочайшего указа и повелений, С. И. Афонсенко в своей докладной записке приводит конкретные примеры: «...внесены в Гербовник с княжескими коронами и мантиями следующие роды дворян Татищевых, Ржевских, Еропкиных, Всеволожских как происходящих от князей Смоленских и Березиных от князей Галицких (гербовник ч. 1 ст. 37 и ч. 2 стр. 17, 18, 19 и 20), хотя все эти роды и не имеют княжеского титула»¹⁶. И сразу же указывает: «Напротив того гербы всех дворянских родов, происходящих от царей и князей татарских, внесены без княжеской короны и мантии.

Роды эти суть следующие:

- Колтовских и Лупандиных (Гербовник ч. 2 ст. 23 и 24) происходящие от князя Редеги;
- Измайловых (Гербовник ч. 2 стр. 34) из рода Ханского;
- Юшковых (Гербовник ч. 2 стр. 34) из Золотой Орды от князя Зеуша;
- Бахметевых (Гербовник ч. 2 стр. 58) от царевичей Касима и Елупа Бахметов;
- Лопухиных (Гербовник ч. 3 стр. 8) от князя Редеги;
- Чириковых (Гербовник ч. 3 стр. 9) от царя Бекая;
- Кочубея (Гербовник ч. 3 стр. 49) от крымских беев;
- Чевкиных (Гербовник ч. 9 стр. 8) от князя Редеги;
- Липовых (Гербовник ч. 9 стр. 19) от Казанского князя Аипа Махметова и др.»¹⁷.

Однако было два исключения, «но и на это каждый раз испрашивается было особое Высочайшее повеление как обнаруживают представляемые у сего в копиях всеподданнейшие записки о гербах князей Черкасских и князей Юсуповых с последовавшими по ним Высочайшими резолюциями и гербы этих только князей как возведенных в княжеское достоинство Российскими Государями украшались княжескими коронами и мантиями (Гербовник ч. 2 стр. 9 и ч. 3 стр. 2)»¹⁸.

Естественно, С. И. Афонсенко дает сведения по состоянию на 1860 год, но общая картина уже прекрасно видна. К началу XX века в списках Департамента герольдии же будет числиться более трех десятков фамилий татарских князей, утвержденных в этом звании определениями Правительствующего сената. Особая ситуация обстояла с титулованием «мурза», которое официально не было закреплено в законодательстве Российской империи, но существовало на практике работы Герольдии (мурзы Кульмаметевы¹⁹).

На период службы действительного статского советника Афонсенко в Департаменте герольдии, то есть на 1850–1860-е годы, приходится несколько дел по составлению дворянских гербов для татарских родов. В качестве примера можно привести гербы князей Мустафиных²⁰ (в гербе использована зеленая чалма с серебряным пером и червленым камнем в середине) и Чегодаевых²¹ (в гербе использован татарский княжеский шлем – мисюра), но наиболее интересным представляется герб дворян Булатовых²² (ил. 2), поскольку Герольдия создала герб на основе самобытной геральдической эмблемы рода: «Щит разделен перпендикулярно линией на две равные части: в правой стороне, в золотом песчаном поле, означен лук со стрелою, положенные крестообразно; левая же сторона разделена на две равные части: в верхней половине, в красном поле, белый крест; в нижней же половине, в голубом поле, крепостная зубчатая башня с открытыми воротами и частью стены. С каждой стороны щита стоят татары в их национальном костюме, одною рукою поддерживая щит, в другой же держат по копью. Весь щит лежит на белой серебряной мантии, подбитой горностаем; мантия увенчана короною, сверх коей из среды четырех страусовых перьев исходит рука, держащая кривой меч». Рука, в свою очередь, была основана на родовой легенде о происхождении предка из Золотой Орды: «...род Булатовых ведет свое начало от царя Золотой Орды Булата (Зелет-Салтан-Тохтамыш), царствовавшего в Орде в 1395 году и к которому в 1412 году великий князь Василий Дмитриевич и князь Иван Михайлович Тверской ходили на поклон в Орду. Два внука Булата, Касим да Югуп, выехали в Москву для службы великому князю Василию Васильевичу. Югуп, принявший святую веру и названный во святом крещении Симеоном, и был родоначальником древней русской дворянской фамилии Булатовых»²³. Самые тематические элементы здесь это татарские «лук со стрелою».

Ил. 2. Герб А. М. Булатова. 1869.
Российский государственный исторический архив. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 67. Л. 301

Ил. 3. Герб В. Г. Кукольника. 1827.
Российский государственный исторический
архив. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 72. Л. 502

Ил. 4. Герб барона Г. А. дю Буа
де Роман Кайсарова. 1865. Российский
государственный исторический архив.
Ф. 1411. Оп. 1. Д. 67. Л. 285

В следующий раз вопрос о стилистике и элементах оформления гербов встал в 1880–1890-е годы, когда секретарем Гербового отделения Виктором Эдуардовичем Горном была начата подготовка к составлению собрания территориальных гербов Российской империи (пятитомный «Сборник высочайше утвержденных городских и местных гербов» – так называемый «Гербовник Рейтерна»²⁴), а затем и «Сборника высочайше утвержденных дипломных гербов российского дворянства, не внесенных в Общий гербовник» (Дипломных сборников²⁵). Дело в том, что для создания единого сборника гербов появилась необходимость некой унификации визуальной составляющей и применения единых правил отрисовки всех гербов. Стало понятно, что такие разные геральдические эмблемы, как, например, герб педагога Василия Григорьевича Кукольника (ил. 3) и герб барона Густава Армановича дю Буа де Роман Кайсарова (ил. 4), невозможно перерисовать в одинаковой стилистике: именно поэтому стал применяться единый формуляр-заготовка будущего герба и этот бланк Гербового отделения тиражировали уже типографским способом.

Накопленный в Департаменте герольдии опыт целиком воплотился при создании в конце XIX – начале XX века следующих гербов татарских князей. Герб Тенишевых: «В золотом щите черная гора, на все наложен червлёный пояс обремененный двумя золотыми косвенно накрест положенными стрелами. Щит увенчан коронованным княжеским шлемом. Нашлемник две золотые накрест положенные опрокинутые стрелы. Намет справа черный с золотом, слева червлёный с золотом. Щит украшен багряною подбитою горностаем мантией с золотыми шнурами, кистями, бахромой и увенчан княжескою короною»²⁶. Герб Бегильдеевых: «Щит четверчастный, с малым щитом в середине. В первой и четвертой лазуревых частях, согнутая в золотых латах, держащая серебряный с золотою рукоятью меч. Во второй и третьей золотых частях, на серебряном холме, черный

сокол с золотыми клювом и лапами. В малом червленом щите золотая тамга. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: три страусовых пера, из коих среднее золотое, правое – червленое, а левое – лазуревое. Намет: справа червленый с золотом, слева – лазуревый с золотом. Щитодержатели: два вооруженных воина в кольчугах: справа Славянский витязь, слева – Татарский ратник. Девиз: Стойкость и верность, золотыми буквами на червеной ленте. Герб украшен княжескою мантией с таковою же короною»²⁷. Герб Кекуатовых: «В лазуревом щите, скачущий на серебряном коне, по зеленой земле, Татарский воин в латах, стреляющий из лука. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: черный двуглавый орел с червлеными глазами и языком и золотым клювом. Намет: справа лазуревый с серебром, слева – лазуревый с золотом. Щитодержатели: два золотых льва с червлеными глазами и языком. Щит украшен княжескою мантией и увенчан княжескою же короною»²⁸. В данных гербах уже четко прослеживаются элементы национальной татарской символики и титульного княжеского достоинства. Татарские гербы стали хорошо узнаваемы и обособлены в визуальном плане.

Таким образом, начиная с середины XIX века, в Гербовом отделении Департамента Герольдии изменялась практика составления гербов для родов князей татарских и дворян золотоордынского происхождения. Случаи использования статусных внешнетовых элементов и национальных символов становились все более частыми, а общей тенденцией явился процесс целенаправленной унификации герботворчества по отдельным категориям геральдических эмблем. Несомненно, что дальнейшее изучение внутриведомственной документации Гербового отделения и Департамента герольдии в целом позволят пролить свет на самые малоисследованные процессы официального герботворчества в Российской империи и проанализировать особенности создания и утверждения отдельных категорий гербов.

-
- 1 РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 73. Л. 1–2.
 2 Там же. Оп. 57. Д. 398.
 3 Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления: 1854. СПб., 1854. С. 69; Список гражданским чинам первых IV классов: исправлен по 20-е ноября 1856 г. СПб., 1856. С. 721.
 4 *Афонасенко И. М.* Геральдисты 1850-х – 1880-х гг. Департамента Герольдии Правительствующего Сената // Гербоведение. Т. 9. М., 2021. С. 36–43.
 5 Памятная книжка Сенатского Архива. СПб., 1913. С. 15, 110.
 6 РГИА. Ф. 1343. Оп. 57. Д. 398. Л. 2.
 7 ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 22. № 15936.
 8 РГИА. Ф. 1343. Оп. 57. Д. 398. Л. 2.
 9 Там же.
 10 *Афонасенко И. М.* «Родовой герб для верного гренадера». Благодарность императрицы Елизаветы за дворцовый переворот материализовалась в символ эпохи // Родина. 2021. № 11. С. 126–129.
 11 РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 571. Л. 139–141.
 12 РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 74.
 13 Там же. Л. 4, 4 об.
 14 Там же. Л. 7.
 15 Там же. Л. 1 – 16.
 16 Там же. Оп. 57. Д. 398. Л. 3.
 17 Там же.
 18 Там же. Л. 4.
 19 Там же. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 72. Л. 507.
 20 Там же. Д. 85. Л. 127.
 21 Там же. Д. 81. Л. 9.
 22 Там же. Д. 67. Л. 301.
 23 *Булатов Д. А.* Материалы для генеалогии и истории дворянских родов Ростовского уезда Ярославской губернии. 1783–1887 гг. Вып. 1. Ростов, 1887. С. 38.
 24 РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 3–7.
 25 Там же. Д. 66–85.
 26 Там же. Д. 103. Л. 20.
 27 Там же. Д. 109. Л. 13.
 28 Там же. Л. 9.